

Л. А. Тресвятский

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ СИБИРЯКОВ

В статье на историческом материале освещаются проблемы роли православной церкви в процессе заселения и освоения Сибири и в формировании менталитета сибиряков.

Ключевые слова: православная церковь, освоение Сибири, специфика сибирской ментальности.

L. A. Tresvyatskiy

EFFECT OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE LEVEL OF SIBERIANS' RELIGIOUSNESS

The article based on historical material highlights challenges of the Orthodox Church role in the process of settlement and development of Siberia and in shaping the mentality of Siberians.

Keywords: Orthodox Church, development of Siberia, Siberian mentality specific.

Сибирь заселялась «разной вольницей», видевшей в ней край, богатый пушниной, лесами и полями [1]. Русские колонисты осознавали себя православными, вот почему на новых землях они воспроизводили основы традиционной для них религии в быту, войне и мире. Вместе с отрядами стрельцов обязательно были иконы, а также представители духовенства. Все это позволило Русской православной церкви придать походу Ермака и вообще процессу присоединения Сибири к России религиозный оттенок. По воле архиепископа Киприана был составлен «Синодик ермаковым казакам» для их прославления как пострадавших за православие. Христианская доктрина проповеди Евангелия позволяла видеть в присоединении Сибири закономерный процесс, одобренный православной церковью и освященный Божьей силой, праведное и святое дело.

Русский народ оказался связующим звеном между Европой и Азией. Диалектика противостояния и сотрудничества с другими народами основывалась на делении мира на две части. Первая часть – православное царство, которому противостоял неправославный мир. Иной мир воспринимался как агрессивный, которому надо было противостоять. Не-

смотря на добытую независимость в конце XV века и отсутствие явной внешней угрозы для России, народное сознание хранило память о возможной опасности. Этому способствовало такое событие, которое, ошеломив Россию, вывело ее в лидеры православного мира – падение Константинополя в середине XV века. Русское православие оказалось способным претендовать на ведущую роль. Присоединение Сибири оказалось удачным воплощением представлений об особой миссии России как православного государства по отношению к другим народам.

На рубеже XVI–XVII веков русские казаки были весьма заинтересованы в принятии православия в новый край, оно утешало их в невероятно трудных условиях и придавало мужество в борьбе с сибирскими народами. В 20-е годы XVII века положение изменилось. Русские колонисты, чувствуя себя хозяевами, не желали постоянно следовать православным нормам поведения. Это основная причина, по которой сибирское духовенство постоянно вступало в столкновения с представителями разных слоев общества. Конфликты с воеводами случались по причине выступления сибирских архиереев против творимых властями притеснений и беззаконий, не совместимых с христианским мировоззрением. Конфликты с простым населением происходили на почве проявления со стороны народа таких поступков, которые противоречили нормам христианства. Русская православная церковь постоянно стремилась укрепить в народном сознании должное каноническое православное мировоззрение. Церковная власть выступала в качестве посредника и третьей стороны между враждующими сторонами.

Процесс становления духовной культуры православия в Сибири сложен и неоднозначен. По мнению П. Н. Буцинского, в середине XVII века «нравы Сибири... были жестокие и распущенность царила как в мире, так и в монастырях» [2]. Далее Буцинский пишет: «...До приезда Киприана в Сибирь монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому в сибирских монастырях царил полный разврат: монахи развратничали с монахинями и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье, и жили в одних домах с мирскими людьми, и в своей жизни ничем не отличались от этих последних» [3]. Это писал человек, который сильно переживал за православие в Сибири, но не стал скрывать тех фактов, которые были. Роль сибирских архипастырей состояла не в том, чтобы закрывать глаза на подобные факты, а всячески стараться искоренить нравы как сибирского общества, так и сибирского духовенства.

С русскими колонистами у православной церкви действительно хватало проблем. Еще первый сибирский митрополит Киприан жаловался на отсутствие у казаков, крестьян и другого пришлого в Сибирь русского населения должной христианской морали и почтения к требованиям православной церкви. Следует учесть, что в острогах обязательно строилась церковь, как правило, деревянная. Колонизация новых территорий поставила насущный вопрос об увеличении числа священнослужителей и открытии новых приходов. Например, о трудном положении верующих в Тюмени свидетельствует грамота от 1600 года царя Бориса Годунова: «...А в остроге храма нет; а он де на пасаде поп один и маломощен, а другого де попа нет, и в том де попа нет, и в том де ему и всем людям тягость великая...» [4]. Эта проблема была частично решена. В следующем году было разрешено построить за тюменским острогом приходскую церковь во имя Бориса и Глеба, а в самом остроге – большой храм.

При освоении Сибири действительно проявлялись самые лучшие и худшие черты человеческой природы. Русский народ стремился самостоятельно на новом месте воспроизвести основные элементы православной культуры, которые закрепляли данную терри-

торию за переселенцами. Проблемы нравственного поведения православного населения и представителей церкви удалось решить при помощи организационно-административных мер. Дело в том, что православная культура обладает целым рядом средств внутреннего и внешнего воздействия на паству. Отсутствие нормальной организации деятельности Русской православной церкви в Сибири привело к понижению уровня церковной дисциплины. С появлением самостоятельной сибирской епархии церковная дисциплина была многократно усилена. В среде духовенства, монахов и т. д. были восстановлены канонические нормы поведения. В начале со священником вел «душеспасительную» беседу архиерей. Этого оказывалось, как правило, достаточно, чтобы поведение священника менялось. Провинившийся иерей если и внутренне не менялся, но боялся возможных наказаний, которые могли привести к ухудшению его материального положения. Наиболее действенным являлось назначение священника из городского прихода в сельский или перевод с большого прихода на меньший. Дело в том, что личное благополучие священника зависело от количества прихожан и рода их деятельности. Крупные приходы позволяли священнику не бедствовать, а в городских приходах паства была богаче и гораздо щедрее.

Самые большие трудности по восстановлению норм православия, как было отмечено, были в начале XVII века. Дело в том, что сибиряки, получив «свободу» во грехе (пьянство, блуд, лихоимство и пр.), упорно сопротивлялись духовному врачеванию церкви. Во-первых, в Сибири испытывался недостаток в русских женщинах православного вероисповедания [5]. Казаки и прочие «вольные люди» жили блудом с женщинами-инородцами (это были татары, калмыки, вогулы, остяки и др.). Так как женщины не были православного вероисповедания, то казаки имели «благовидный» предлог не вступать с ними в церковный брак. Следует отметить, что только брак по православному обряду, даже если он был тайным и без особой огласки, признавался в обществе.

Во-вторых, сибирские казаки, приезжая в Европейскую Россию, обманом и уговором привозили в Сибирь русских женщин якобы в качестве своих будущих жен. Там женщины либо проигрывались в карты, либо насильно продавались другим казакам, т. е. процветала своеобразная «женская работоторговля». Более того, многие русские перестали носить кресты, не соблюдали посты и постные дни. Это свидетельствует о временном, но серьезном подрыве влияния православной культуры на русских переселенцев. Духовенство было вынуждено венчать браки без оглашения, в монахи постригались случайные люди, которые через некоторое время уходили обратно в мир. Русские казаки жили как завоеватели и победители, которым все дозволено [6].

Русская православная церковь попыталась переломить сложившееся положение. Вступив в явный конфликт со светской властью, еще Киприан послал патриарху Филарету сообщение о тех пороках, которые творило «православное» население в Сибири, обвинив некоторых представителей местной власти в злоупотреблении своим положением. 11 февраля 1622 года патриарх Филарет в особой грамоте потребовал прекратить духовное разложение русского населения. Грамоту прочитали по всем сибирским церквям в присутствии многих людей. Она послужила толчком к водворению в Сибири тех правил религиозной жизни, которые были свойственны для Европейской России [7]. Далеко не все сибирские воеводы стали содействовать архиерею Киприану. Для острастки и ввиду явных беззаконий Киприан послал царю жалобу на тобольского воеводу Матвея Годунова. Обвинения в его адрес были настолько существенны, что было организовано специальное расследование. Постепенно авторитет духовной власти в Сибири был ук-

реплен. Служилые люди начали осознать, что отношения в Сибири не должны принципиально отличаться от принятых в Европейской России. Архиепископ Киприан сделал самую сложную работу по укреплению православия в Сибири. Последующим сибирским архиереям было уже «легче», и постепенно удалось значительно улучшить духовно-нравственную жизнь сибиряков.

Одной из самых «разработанных» тем является взаимоотношение православной церкви и русского народа. Основная методологическая ошибка ряда исследователей состоит в нежелании учитывать сущность духовной основы православия, являющейся идейной опорой жизни церкви. Православие суть христианство, в основе которого лежит вера в Господа и его заповеди, которым подчиняется деятельность церкви. Вот почему православные считают церковь Телом Христовым. Недопонимание этого приводит к появлению надуманных представлений о «народном православии» или «религиозном синкретизме православия». Под «народным православием» понимается искаженная форма восприятия христианства народом, где причудливым образом пересекаются христианские и языческие представления. И. П. Башаров пишет: «Промыслы как часть жизнедеятельности русского народа, полностью контролируемой православием, по представлениям рыбаков и охотников, также находились в зависимости от христианских сакральных образов. Промысловики выполняли все общие элементы православного культа, не являющиеся связанными лишь с промысловой деятельностью. Христианские образы воспринимались, прежде всего, как источник силы, которая в момент вступления человека во взаимоотношение с природой, в случае выполнения им требований православия, выступала его покровителем, а в наиболее критических ситуациях – и спасителем» [8]. Дело в том, что православная церковь как духовная структура является активным началом, а народ – пассивным. Не народ воспитывает церковь, а церковь воздействует на него. Православная церковь является своего рода «столпом и утверждением истины», и всяким языческим проявлениям, покушавшимся на суть православного верования, всегда давался достойный отпор.

Для духовной культуры православия и русского народа особое значение имеют религиозные праздники. А. А. Макаренко пишет: «В понятие о празднике коренные сибирские крестьяне, как и российские, вводят элемент необходимости полного прекращения важных работ дома и вне его. ...В практике же сельской местности, впрочем, допускается исполнение работ, не только по воскресным дням., но иногда и в большие праздники. Причины – недостаток рабочих рук, страда, уборка хлеба, сложная рыбная ловля» [9]. Исследователи «народного православия» установили, что «Пасху в Сибири называли “паской” святой или красной неделей. Она считалась одним из главных крестьянских праздников, к ней тщательно готовились, этот праздник сохранял в Сибири многие элементы весеннего дохристианского аграрного цикла обрядов, посвященных разгоранию солнца и весеннему севу» [10]. У крестьян прослеживается особая роль «народного календаря», суть которого состоит в том, что цикл сельскохозяйственных работ сверялся с православными праздниками, которых было достаточно много. Сибирские крестьяне почитали святых, хотя сохранилось много суеверий [11].

Н. А. Миненко по этому поводу отмечает: «Вряд ли, в частности, справедливо считать, что до середины XIX в. в функционировавших на масленицу представлениях, нормах поведения, коллективных настроениях сохранялись верования в возможность активного воздействия на природу, что определенное магическое содержание русские крестьяне Сибири продолжали вкладывать в обрядность таких праздников, как семик, Троица,

Новый год. Внешне многие праздничные действия, действительно, напоминали ушедшие в прошлое языческие ритуалы. Однако языческий смысл этих действий, во всяком случае в XIX в., был надежно забыт» [12]. В повседневной жизни крестьяне вели отсчет времени не по месяцам и числам, а по религиозным датам и постам: от Рождества до Пасхи, от Пасхи до Крещения Господня, от Покрова до Казанской и т. д. Даже цикл сельскохозяйственных работ рассчитывался по религиозно-православному календарю.

В трудных условиях приходилось действовать православным священникам в Сибири. Якутское духовенство, во-первых, выполняло обычные требы, во-вторых, занималось миссионерской деятельностью, в-третьих, стремилось повысить моральный уровень служилых людей, которые «крестов не носят» [13]. Якутские священники терпели унижения от местных властей. Например, воевода П. Головин посадил своего духовника монаха Симеона в тюрьму, а иеромонаха Порфирия по его приказу вообще подвергали пыткам. Самодурство воеводы П. Головина зашло так далеко, что даже церковные службы временно были прекращены, но постепенно в Якутске был сформирован стабильно функционирующий клир, состоящий в середине XVII века из четырех священников и одного дьякона [14].

Православные в Сибири сами стремились приобщиться к целостной церковной жизни. Так, «...инициатива строительства большинства приходских церквей в Сибири XVIII века исходила из мирского общества. Оформлялась она по-прежнему челобитной, или прошением мира к архиерею» [15]. Население испытывало постоянную потребность в духовном окормлении, вот почему общение с духовенством не ограничивалось только рамками храма. М. М. Громыко пишет, что существовал «обычай приглашать священника в дома для служения молебна; постоянное странноприимство, сопровождавшееся рассказами странников на духовные темы и просьбами хозяев о молитвах за них в монастырях и у известных святынь...; религиозно-нравственная тема звучала в семье в назиданиях, замечаниях и указаниях, адресованных детям; учащиеся дети и грамотные взрослые нередко читали вслух Евангелие, жития святых, Псалтырь и другую духовную литературу; подавалась милостыня нищим...» [16].

Важное значение для начала духовной жизни имело крещение. Детей приносили в храм «...ко Христу на восьмой день по рождении. В этот день в таинстве крещения Господь омывает их от первородного греха, снимая с них проклятие. В таинстве миропомазания, следующем непосредственно за крещением, Господь усыновляет ребенка себе, даруя ему благодать» [17]. Не везде в Сибири была возможность быстро добраться даже до ближайшей церкви. В этом случае русские крестьяне на Индигирке «обходились обычно без священника. Наливали в чистый таз теплую воду, опускали в нее серебряный крест, после чего вода становилась “святой”. Крестный отец несколько раз окунал ребенка головой и ногами в воду со словами: “Крестим раба божьего Николая (Петра, и т. д.)”. Крестные отец и мать почитались почти наравне с родителями. В случае смерти последних они опекали своих крестников» [18]. Благодаря таким православным формам поведения происходило настоящее воцерковление христиан.

Одному всегда трудно следовать христианским нормам поведения, а приход позволял укрепить веру отдельного человека. С развитием церковной приходской жизни происходит утверждение духовной культуры православия в Сибири [19]. Трудно не согласиться с мнением Н. Д. Зольниковой: «Сибирские приходы к началу XVIII в., по-видимому, во многом напоминали северо-русские...» [20]. Весьма противоречивы позиции исследователей по вопросу отношения членов приходской общины к священникам. Приведем примеры. Н. Д. Зольникова утверждает: «Изменения статуса духовенства в систе-

ме абсолютизма содержали в себе устойчивую тенденцию его отрыва от паствы» [21]. С. В. Кузнецов правильно отмечает: «Мнение о якобы непочтительном отношении крестьян к священникам основывается на ограниченном круге источников и не имеет связи с народными идеалами и религиозной практикой. Бытовавшие относительно священников суеверия (например, встретить попа – плохая примета и т. п.) носили скорее характер языческого пережитка и не отражали реальную практику взаимоотношений священника и его паствы... Уважение к священническому сану сочеталось с требовательностью, предъявляемой прихожанами к его носителю» [22]. Л. Н. Харченко признает особую роль священников, т. к. «...духовенство по-прежнему принадлежало к самой просвещенной части местного общества...» [23]. Также противоречивы представления о роли священника в управлении приходом [24].

Уровень морально-этических норм сибиряков был значительно ниже, чем в Европейской России. Недостаток подготовленных церковных кадров привел к тому, что в Сибири был распространен принцип выборности священников. С одной стороны, такой священник пользовался уважением среди прихожан как наиболее благочестивый из местной среды. С другой стороны, «выбранный» батюшка в значительной степени зависел от прихода и мог идти у него на поводу, не замечая те неблагоприятные поступки, которые совершались среди членов религиозной общины. Более того, у «выбранных» батюшек не хватало знаний по ведению богослужений, да и вообще они могли быть более самостоятельными по отношению к правящему архиерею, чем назначенные священники. Для укрепления духовной культуры православия в Сибири требовались священники, крайне преданные служению Богу.

Достаточно долго и безуспешно Русская православная церковь в Сибири вела борьбу с азартными играми, шахматами и т. п. Российские ученые абсолютно правильно зафиксировали отрицательное отношение церкви к шахматам в рамках русской средневековой культуры и терпимое к ним отношение с периода преобразований Петра I [25]. Достаточно будет отметить, что шахматы приравнивались к азартным играм (карты, кости и т. п.) и гаданиям. Терпимое отношение к шахматам в более позднее время объяснялось тем, что игра была настолько популярна в народных массах, что РПЦ вынуждена была отступить. Следует согласиться, что шахматная игра не является магическим действием или бесовским гаданием.

Русская православная церковь стремилась повысить нравственный уровень в Сибири. Во второй половине XVII–XVIII веке сибирским архиереям действительно удалось повлиять на духовную жизнь сибиряков. Митрополит Иннокентий (Кульчитский) лично воздействовал на паству через поучения и проповеди. Он многих направил на путь нравственного исправления. Сибиряки, хотя и были более свободного поведения, чем христиане прочих епархий, но стихийно всегда тянулись к Богу. Жизнь в Сибири была чрезвычайно трудна. Хотя сибиряки рассчитывали на свои силы, но, попадая в особо опасные условия выживания, они надеялись только на Божью помощь. В этом проявляется особый характер сибиряков, заключающийся в свободном поведении, но уважительном отношении к православной вере.

Во второй половине XVIII века продолжается процесс организационного укрепления церкви: строятся храмы, увеличивается число священников, появляются новые епархии [26]. Создались благоприятные условия для дальнейшего воздействия на народные массы. Во второй половине XVIII века в Иркутской епархии находилось 145 церквей, прихожанами в которых было 89 578 лиц мужского пола и 83 699 лиц женского пола [27]. Таким образом, на один храм в среднем приходилось чрезвычайно большое

количество прихожан – 1194. Н. Сапожникова отмечает: «Сеть церквей в Сибири была значительно реже, а церковный надзор за народным сознанием слабее, чем в Европейской России» [28].

Учитывая большое расстояние между храмом и отдельными сибирскими деревнями, приходим к выводу, что часть сибиряков не имела возможности регулярно посещать богослужения и приобщаться к таинствам. Вот почему строительство новых церквей и привлечение дополнительного числа священников в Сибирь продолжало быть актуальным. Слабая воцерковленность части населения и его разбросанное расположение не способствовали скорейшему искоренению отрицательных привычек, например, ранних браков. В сложившихся условиях Иркутский епископ Софроний в 1756 году запретил священникам венчать малолетних и браки между родственниками [29]. Таким образом продолжалась борьба с наиболее худшими крестьянскими обычаями, которые вредили и духовному, и телесному состоянию.

Русская православная церковь в своей деятельности традиционно ориентировалась, прежде всего, на крестьянство. В XVIII–XIX веках отмечается «готовность, с которой крестьяне-сибиряки ради строительства храма шли на всевозможные тяготы и жертвы, позволяет говорить о высокой степени приверженности их официальной церкви» [30]. В XIX веке существовала традиция, идущая из предыдущих веков, что инициатива возведения приходских храмов, часовен, молитвенных домов исходила не от официальных церковных органов или священников, а непосредственно от мирян. Письменное прошение отправлялось архиерею на рассмотрение через Духовное правление, позднее через благочинного.

Храмы довольно часто строились на добровольные пожертвования сибирских купцов. Например, в 1836 году томский купец Степан Иванович Попов пожертвовал для «нужд Сибири» значительный капитал [31]. В тех местах, где была церковь, местное население охотно приобщалось к православным ценностям по собственной инициативе. М. М. Громыко точно подмечает: «Явно выражена была православная вера как явление массовое и сугубо добровольное в молебнах вне храмов, т. к. служили их по просьбам прихожан: инициатива в этом деле была не за священником, а за общиной или отдельными мирянами» [32].

Православная культура отрицательно относится к стяжательству. Она выступает не против богатства, а лишь предупреждает, что материальные ценности способны овладеть душами, сделать их рабами. Нечто подобное произошло в Енисейске в середине XIX века. Енисейские золотые прииски приносили большую прибыль, в городе было много обеспеченных людей, которые постоянно впадали в разгул и пьянство. Действительно, нравственная атмосфера была подорвана. Людей интересовала нажива, деньги, а о Боге стали забывать.

Одной из основных проблем, с которыми боролись священники, было пьянство. По этому вопросу Русская православная церковь вступала в противоречие с «интересами» государства и торговцев. Не секрет, что государство в значительной степени пополняло свой бюджет за счет «пьяных» денег. Но культура потребления спиртных напитков у сибирского населения была не на высоте. Создавались благоприятные условия для спаивания инородцев. В конце XIX века священник Терентий Каншин писал о досуге инородцев Кондомо-Енисейской волости: «Пьянство у нас страшно развито – пьют хлебную самогонку, покупают казенную водку. ... Немного дней в году наши инородцы проводят трезвыми. ... Мы, конечно, при каждом удобном случае увещевали своих прихожан отступить от этой пагубной для души и тела страсти. На другой день утром обошел дома но-

вокрещенных для увещевания, чтобы они начали говеть. Некоторые изъявили согласие, а иные отказались, ссылаясь на неимение денег на свечи Богу. Нам показались несостоятельны их отговоры. Для винопития находится и время, и деньги, а в то время как позовут Богу молиться, говеть, сейчас явятся неотложные дела и много других препятствующих причин» [33].

Примечания

1. Абрамов Н. А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. – Тюмень, 1998. – С. 97.
2. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889. – С. 294.
3. Там же. – С. 285.
4. Приложения к книге: Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1941. – С. 155.
5. Софронов В. Ю. Светочи земли сибирской (биографии архипастырей Тобольских и Сибирских 1620–1918 гг.). – Екатеринбург, 1998. – С. 18.
6. Абрамов Н. А. Цит. соч. – С. 102.
7. Там же. – 103.
8. Башаров И. П. Трудовые традиции и народные верования русского промыслового населения Восточного Прибайкалья (конец XIX – первая треть XX в.). Спец. 07.00.07: автореф. дис. ... к. и. н. – Владивосток, 2002. – С. 27.
9. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 31–32.
10. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 323.
11. Островская Л. В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск, 1975. – С. 177.
12. Миненко Н. А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. – Новосибирск, 1986. – С. 87.
13. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – М., 1838. – Т. 1. – С. 166.
14. Якутия в XVII в.: очерки. – Якутск, 1953. – С. 228–229.
15. Зольникова Н. Д. Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (начало XVIII в. – конец 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск, 1983. – С. 104.
16. Громыко М. М. Православные обряды и обычаи в русском крестьянском доме // Православная вера и традиция благочестия у русских в XVIII–XIX веках: этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. – М., 2002. – С. 86.
17. Пестов Н. Е. Современная критика православного благочестия: опыт построения христианского мирозерцания // Религия и общество: реферативный сборник / отв. ред. Л. В. Скворцов. – М., 1999. – С. 105.
18. Чикачев А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1990. – 189 с.
19. В «Сибири на протяжении всего периода идет процесс формирования приходской системы, с постоянным увеличением количества приходов, разнообразием их форм. Преобладающим типом приходов для данной территории на протяжении XVII – начала XX века являлись сельские приходы. Основной категорией населения в них были крестьяне и поселяне. Инициаторами открытия приходов в основном являлись сами прихожане» [Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Тобольской епархии XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. – Кемерово, 1998. – С. 23].
20. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1990. – С. 178.
21. Там же. – С. 165.

22. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.: этнографические исследования и материалы. – М., 2002. – С. 167–168.
23. Харченко Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – второй половине XIX в.). Очерки истории. – Иркутск, 2001. С. 166.
24. Н. Д. Зольникова пишет: «В XVIII в. сибирское население сохраняло убеждение в правильности своего контроля над приходской церковью и даже распоряжения ею» [Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1990. – С. 180]; Л. В. Островская отмечает: «Судя по прошениям, неприязненные отношения крестьян к духовенству носили не принципиальный, а личностный характер: настаивая на удалении одного клирика, они просили заменить его другим. При этом крестьяне проявляли и готовность к состраданию обвиняемому ими же» [Островская Л. В. Прощения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 168]; Н. А. Мухортова делает заключение: «Старосты избирались обществом из социально активных и влиятельных слоев населения. ...Расширение сферы контроля духовенства за жизнью общины, сопровождавшееся разрушением мирского контроля...» [Мухортова Н. А. Должность церковного старосты в сибирской городской приходской общине второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск, 1998. – С. 144]; В. А. Есипова констатирует: «В Сибири еще сохранилась память о широких правах приходской общины. “По старой памяти” составлялись прошения о смене священника, о награде для него или наказании. Однако в рассматриваемый период на них по большей части появлялась стандартная резолюция “оставить без последствий”...» [Есипова В. А. Ставленнические дела священников и диаконов Томской епархии второй половины XIX в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск, 1998. – С. 67].
25. Майзелис И. К вопросу о происхождении и развитии шахмат // Шахматы в СССР. – 1952. – № 10, 12; Он же. К истории шахмат на Руси // Шахматы за 1957 г.: сб. ст. – М., 1958.
26. См. более подробно: Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Тобольской епархии XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. – Кемерово, 1998.
27. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. – Казань, 1913. – Т. 2. Приложения. – С. 15.
28. Сапожникова Н. Религиозные мотивы в поведении крестьянства Сибири XIX в. // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. – Тюмень, 1990. – Вып. 1. – С. 68.
29. Иркутские епархиальные ведомости. – 1898. – № 14.
30. Островская Л. В. Прощения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 175; Т. В. Батурина дополняет: «Всю настойчивость прихожан в просьбах о строительстве церкви можно, как кажется, отнести к их высокой религиозности. Не отрицая ее, все же приходится отмечать наличие мотива не менее сильного – стремление к удобству в проявлении своей религиозности» [Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX в. 07.00.02.: дис. ... к. и. н. – Новосибирск, 1999. – С. 176].
31. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 66. Д. 39. Л. 2.
32. Громыко М. М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М., 2001. – С. 103.
33. Ершова В. В., Кимеева В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. – Кемерово, 1995. – С. 17.